

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ СУДОПРОИЗВОДСТВА
ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ КОНТОРОЙ СУДНЫХ И ЗЕМСКИХ ДЕЛ
В 1730—1740-е гг.: ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА

Статья посвящена организации делопроизводства суда и следствия в Екатеринбургской конторе судных и земских дел в 1730-е — 1740-е гг. Актуальность темы обусловлена тем, что проблема механизмов осуществления правосудия в период после смерти Петра Великого до сих пор остается не изученной. Преобразования первой четверти XVIII в., оставившие значительные изменения в различных сферах жизни общества, коснулись и процессов документирования, а также порядка судопроизводства в органах власти различного уровня.

Ключевые слова: делопроизводство, канцелярия, Обер-Бергамт, контора

Преобразования Петра Великого оставили значительный след в различных сферах жизни общества. Не стали исключением и такие области, как организация делопроизводства, а также порядок судопроизводства в учреждениях различного уровня. Введение новых нормативных правовых актов, вносящих изменения в оформление, структуру и состав некоторых документов, а также трансформировавших принципы осуществления правосудия, привело к обращению более пристального внимания на процедуры работы с документацией.

Многие исследователи отмечают, что создание Генерального регламента 1720 г. являлось лишь началом процесса введения системы коллежского делопроизводства. В последующие годы было создано большое количество нормативных правовых актов, посвященных определению порядка составления документов [Лукашевич, с. 15—16; Митяев, с. 41—42]. Схожие процессы происходили и с таким видом источников, как судебно-следственная документация.

Правила оформления документов суда и следствия уточнялись в течение всего XVIII в. В первой половине столетия нормативную базу деятельности судебных учреждений составляли Соборное Уложение 1649 г., Указ «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных распросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей, и о пошлинных деньгах» 1697 г., «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» 1715 г. — составная часть «Воинского устава» 1716 г., указ «О форме суда» от 5 ноября 1723 г. и Генеральный регламент 1720 г. [Бородина, 2017]. Большинство из них содержало лишь отрывочные сведения о требованиях к основным судебно-следственным документам, для которых были необходимы разъяснения и уточнения.

Вопрос о том, каким образом чиновники Петровского времени приспособились к новым формам делопроизводства, уже становился предметом обсуждения историков. Он изучался как на общероссийском, так и на региональном материале, и представлен, в первую очередь, специальными тру-

дами, целью которых являлись реконструкция и изучение функционирования аппарата управления на центральном и региональном уровнях [Мрочек-Дроздовский; Богословский; Анисимов; Каменский; Редин]. Не меньшее количество исследований посвящено изменению системы делопроизводства в России периода правления Екатерины II [Лукашевич; Можжев; Подоплелова].

Тем не менее, работы, рассматривающие особенности деятельности канцелярий в период между двумя крупными административно-судебными реформами (1725—1775 гг.), до сих пор являются немногочисленными. Организация делопроизводства в учреждениях на местах также не подвергалась специальному освещению, имея либо лишь небольшие разделы с описанием основных форм делопроизводства и работы канцелярий, либо незначительные упоминания с оценкой эффективности их жизнедеятельности [Готье ; Голикова, Кислягина, с. 44—108; Памятники российского права, 2014, с. 146—165]. Данные издания в основном базируются на общероссийском материале и не позволяют составить более четкое представление о функционировании отдельно взятых органов власти в регионах. Таким образом, на данный момент вопрос о развитии форм делопроизводства в различных учреждениях, их развитии и преемственности до сих пор остается открытым.

Обратимся к характеристике одного из учреждений, облеченных судебными полномочиями и существовавших на Среднем Урале в первой половине XVIII в. По меткому высказыванию Ю. Готье, «областная реформа Петра Великого была попыткой строить на зыбучем песке, или взлет на воздух без крыльев», созданные после реформы органы власти были «гораздо менее интересными с точки зрения творческой мысли человека, но более приспособленными к русскому обществу и к русской жизни» [Готье, с. 18]. Несмотря на это, Екатеринбургская контора судных и земских дел отчасти является детищем Петровского времени. В годы второго этапа административных реформ первой четверти XVIII в. были созданы земская контора и канцелярия судных дел, которые существовали относительно независимо друг от друга до конца правления первого российского императора. Решение о ликвидации Екатеринбургской судебной канцелярии пришлось на вторую половину 1725 г. Начиная с середины 1726 г., большинство судебно-следственных дел рассматривались либо в Сибирском обер-бергамте, либо в Екатеринбургской земской канторе, в которую были переведены все делопроизводители судебной канцелярии. С началом контрреформы областного аппарата управления учреждения были преобразованы. На их базе к 1727 г. была создана Екатеринбургская контора судных и земских дел [Бородина, 2008, с. 170—171; Бородина, 2012, с. 111].

Как и следовало ожидать, в конторе существовало функциональное разделение обязанностей: тогда как одна часть канцеляристов занималась вопросами организации сбора податей, а также направлением крестьян на заводские работы, другая была задействована в судопроизводстве. Анализ состава делопроизводителей Екатеринбургской конторы судебных и земских дел показывает, что время от времени она испытывала дефицит кадров. В частности, в 1735 г. в штате канцелярии не доставало одного копииста [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 626, л. 18].

В более или менее постоянной роли в конторе выступал секретарь Феоктист Кузнецов, который в течение 1732—1733 гг. исполнял обязанности секретаря Сибирского обер-бергамта, а в 1735 г. был переведен секретарем в Екатеринбургскую контору судебных и земских дел, где служил как минимум до середины 1750-х гг. [ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 11, л. 8об.—9]. Его скрепы неизменно стоят под протоколами заседаний, на которых разбирались тяжбы, представлялись результаты следственных действий и решались вопросы о содержании колодников [ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 34, л. 19, 20об., 30, 38 и др.; д. 40, л. 10, 15об., 16, 20об. и др.; д. 44, л. 5, 21, 26]. В 1740 г. регистратором конторы стал канцелярист земской конторы Кабаков, прежде служивший копиистом Сибирского обер-бергамта [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 186, л. 53об.; д. 890, л. 67об.]. Позже, в 1760-е гг., протоколист Фирс Кабаков возглавит канцелярию конторы судебных и земских дел, работая в должности секретаря [ГАСО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 181. Л. 3, 6об., 15об.]. Обращает на себя внимание, что служебная биография этих канцеляристов была связана с деятельностью главного учреждения региона — обер-бергамта.

Кроме того, в конце 1730-х гг. в состав канцелярских служащих, числившихся за конторой и занимавшихся оформлением документов суда и следствия, входило, как правило, 4—5 человек. Об этом свидетельствуют отметки о получении копий с выписками под протоколами Екатеринбургской конторы судебных и земских дел [ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 34, л. 19, 30, 58об., 63об., 109об., 148об. и др.; д. 40, л. 10об., 15об., 20об.]. Так, в 1738 г. ими были подканцелярист Гаврило Токарев (ранее служивший в должности копииста Уктусской заводской конторы, с 1739 г. — канцелярист конторы судебных и земских дел), канцеляристы Иван Гуляев и служивший в 1729 г. подканцеляристом в Екатеринбургской казенной канторе Дмитрий Шанаурин, копиист Василий Пушкарев (с 1739 г. — подканцелярист). Наибольшее количество скреп оставил после себя подканцелярист Гаврило Токарев. В 1739 г. чаще всего находились у дел Гаврило Токарев и Василий Пушкарев. Кроме того, в конторе присутствовали канцелярист Иван Гуляев, подканцеляристы Дмитрий Шанаурин и Ерофей Трусов. В 1740 г. запись суда и следствия вели по-прежнему Дмитрий Шанаурин, Гаврило Токарев и подканцеляристы Иван Юдин и Ерофей и Павел Трусовы [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 186, л. 54, 116об.; ф. 34, оп. 1, д. 44, л. 117, 123об., 234].

Как и в Сибирском обер-бергамте, в Екатеринбургской конторе судных и земских дел велись журналы учета входящих и исходящих документов [ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 32, 35]. Кроме того, в фонде 34 «Екатеринбургская контора судных и земских дел» ГАСО содержится большое число протоколов заседаний, которые позволяют понять, каким образом происходило принятие решения, а также разобраться с вопросом о тщательности ведения судебного-следственной документации.

Следует отметить, что в книгах записи протоколов отмечались как судебные решения, так и записи о текущей деятельности учреждения по сбору пошлин, направлению крестьян на заводские работы и т.д. В своей работе присутствие поочередно разбирало то одну, то другую группу вопросов. Некоторые книги протоколов открываются сводной ведомостью о посещении заседаний конторы судных и земских дел членами присутствия, назначенными на должности решением обер-бергмта / главной канцелярии заводов правления [ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 34, л. 2—4]. Все записи протоколов заседаний 1730—1740-х гг. были четко организованы. Как правило, они оформлялись в виде таблицы из трех колонок, где отмечались номера протоколов, номера на делах, а также дата заседания членов присутствия и само решение. Каждый протокол, как правило, начинался с нового листа. В конце протокольной записи всегда стоят автографы членов присутствия, находившихся при слушании дела, подпись секретаря и отметка делопроизводителя с сообщением о том, куда были переданы материалы дела [ГАСО, ф. 34, оп. 1, дд. 34, 40, 44]. В частности, все копии решенных судебного-следственных дел передавались в судное повьежье Сибирского обер-бергамта, что, по всей видимости, обусловило их плохую сохранность среди документов данного учреждения.

К сожалению, в фонде Екатеринбургской конторы судных и земских дел не сохранилось никаких документов суда и следствия. Единственными источниками, которые позволяют хотя бы как-то исследовать состояние судебного-следственного делопроизводства конторы, являются именно протоколы заседаний. Изучение содержания записей протоколов, связанных с разбирательством судебного-следственных дел, показывает, что они содержат все необходимые сведения о кейсе. Фактически протокол заседания был краткой выпиской по делу, которая составлялась на основании документов, созданных в ходе следствия: челобитной, протоколов допросов истца, ответчика и свидетелей, выписок из законодательных актов, приговора по делу. В ряде случаев выписка-приговор могла насчитывать десять страниц и более. Протоколы заседаний Екатеринбургской конторы судных и земских дел очень подробны и в целом позволяют составить представление о причине возбуждения дела и основных этапах судопроизводства.

Сопоставление данных материалов судебного-следственных дел, отложившихся в фонде 24 «Уральское горное управление», с протокольными за-

писями Екатеринбургской конторы судных и земских дел позволяет говорить о том, что ведение документов суда и следствия согласовывалось с требованиями, прописанными в нормативных правовых актах первой четверти XVIII столетия. Наиболее важными среди них были указ «О форме суда» 1723 г. и уже упоминавшийся выше Генеральный регламент 1720 г., в соответствии с которыми внедрялся строгий порядок документирования всех судебных процедур. По меткому замечанию М. М. Богословского, исполнение этих законов предполагало, что «каждый шаг суда должен был оставлять след на бумаге» [Уортман, с. 65].

В начале 1730-х — 1740-х гг. в ведомствах, так или иначе подчиненных Сибирскому обер-бергамту / Канцелярии главного правления Сибирских и Казанских заводов), судопроизводство осуществлялось преимущественно с опорой на указ «О форме суда». При решении частных исков активно использовались судоговорение и поочередное ведение допросов истцов и ответчиков [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 301, л. 191]. Кроме того, в соответствии с нормами указа «О форме суда», делопроизводители оформляли билеты, информировавшие о дате и времени явки в суд, делали копию с челобитной для ответчика [Там же, л. 182—183об., 201]. В случае необходимости произвести дознание тех или иных свидетелей, а также поиска доказательств по делу канцеляристы составляли специальные инструкции для «рассыльщиков», основной задачей которых была организация доставки людей, требовавшихся для рассмотрения дела [Там же, л. 245—246]. Кроме того, канцелярии время от времени вели переписку с конторами соседних дистриктов, если требовалось допросить свидетелей, найти истцов или ответчиков из соседней административно-территориальной единицы [Там же, л. 152]. Обязательным элементом решенного дела были выписки из нормативных правовых актов, а также запись приговора. Кроме того, в конце подборки документов, как правило, можно найти помету о получении денег в счет уплаты пошлин.

Таким образом, анализ судебно-следственных документов позволяет говорить об удовлетворительной организации правосудия на Среднем Урале. И Екатеринбургская контора судных и земских, и Сибирский обер-бергamt / Канцелярия главного правления Сибирских и Казанских заводов действовали в строгом соответствии с существовавшим законодательством. Стоит отметить, что в ряде случаев закон не предусматривал строго определенного образца для составления документов. По-видимому, в данных обстоятельствах в качестве формуляра принимались образцы, созданные в канцелярии обер-бергамта / Канцелярии главного правления Сибирских и Казанских заводов.

Наше утверждение можно доказать не только на примере сопоставления документальных источников, отложившихся в результате деятельности Екатеринбургской конторы судных и земских дел и обер-бергамта / Канцелярии главного заводов правления, но и при изучении материалов других

учреждений. Так, внутренняя документация Арамильской земской конторы практически полностью копировала регистрационные журналы обер-бергамта. Это хорошо видно при изучении их приходных книг. Они велись в течение одного года. Вся присутствующая в книгах информация разбита на колонки: дата, статья, рубли, копейки. В приходных книгах Арамильской земской конторы по судным и крепостным делам имелась еще одна статья — номера, которые отсутствовали в книгах обер-бергамта [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 312, 402, 495].

Схожая ситуация может быть продемонстрирована и на примере анализа протоколов. Книги протоколов обер-бергамта / Канцелярии главных заводов правления и Екатеринбургской конторы судных и земских дел имеют однородную структуру. Правда, если протокольные записи Екатеринбургской конторы судных и земских дел были четко разделены — каждое новое решение начиналось с чистого листа, то решения главного учреждения региона записывались друг за другом. Больших отступов между приговорами не существовало [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 34, 263]. По-видимому, это делалось для экономии бумаги.

Как уже упоминалось выше, при оформлении судебно-следственных документов рассмотренные учреждения руководствовались одними нормами. Об этом свидетельствует анализ материалов судебных кейсов и протоколов заседаний. Все решенные Екатеринбургской конторой судных и земских дел судебные кейсы копировались и перемещались в судное повытье Сибирского обер-бергамта / Канцелярия главного правления Сибирских и Казанских заводов, о чем говорят пометы в конце протокольных записей.

Сибирский обер-бергамт / Канцелярия главного правления Сибирских и Казанских заводов жестко контролировал деятельность большей части учреждений региона. В канцелярии скапливался огромный по объему массив документов из подчиненных структур. Следует отметить, что значительная часть делопроизводителей имела опыт работы в разных учреждениях и обладала обширными знаниями о составлении разнообразных документов, касавшихся различных областей управления. Все перемещения и назначения канцелярских служащих также происходили по решению главного органа власти региона. Люди, попадавшие в Екатеринбургскую контору судных и земских дел, иногда переводились не по своей инициативе. В ряде случаев они были вынуждены подчиниться воле высшего руководства.

Анализ внешнего вида и состава делопроизводства позволяет говорить о том, что правила оформления и работы с документами, заложенные в годы правления Петра Великого, к началу 1730-х гг. стали нормой. Все бумаги были составлены с большой долей аккуратности, что говорит о высоком уровне профессионализма делопроизводителей. Такая ситуация была во многом обусловлена как налаженной организацией подготовки делопроизводителей, так и периодическими проверками деятельности учреждений со стороны Сибирского обер-бергамта / Канцелярии главного правления Сибирских и Казанских заводов [Сафронова, с. 55—56].

Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997.

Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719—27 гг. М., 1902.

Бородина Е. В. Судебно-следственные документы XVIII в.: особенности выявления и работы с источниками // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Выпуск 5 (59) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001867-2-1> (дата обращения: 25.10.2017).

Бородина Е. В. Екатеринбургская канцелярия судебных дел // Проблемы истории России. Вып. 7: Источник и его интерпретация. Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2008. С. 153—176.

Бородина Е. В. Судебная реформа Петра I на Урале и в Западной Сибири. Екатеринбург, 2012.

Голикова Н. В., Кислягина Л. Г. Система государственного управления // Очерки истории русской культуры XVIII века. Часть 2. М., 1987. С. 44—108.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Уральское горное управление.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 34. Екатеринбургская контора судебных и земских дел.

Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Том I. Реформа 1727 года. Областное деление и областные учреждения 1727—1775 гг. М., 1913.

Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII. (Опыт целостного анализа). М., 2001.

Лукашевич А. А. Развитие губернской делопроизводственной документации 70—90-х гг. XVIII в. Автореферат дисс. на соискание степени канд. ист. наук. М., 1995.

Митяев К. Г. История и организация делопроизводства в СССР: Учеб. пособие. М.: [б.и.], 1959.

Можжаев А. В. Влияние административных реформ на государственное делопроизводство России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2009.

Мрочек-Дроздовский П. Н. Областное управление России XVIII века до Учреждения о губерниях 7 ноября 1775 г.: Историко-юридическое исследование П. Мрочек-Дроздовского. Часть 1. Областное управление эпохи первого учреждения губерний. М., 1876.

Памятники российского права. В 35 т. Т. 5. Памятники права 1725—1762 гг. М., 2014. С. 146—165.

Подоплелова Н. Н. Исследование организации делопроизводства губернских административных учреждений Российской империи (на материалах Пермской губернии конца XVIII — начала XIX вв.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2013.

Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ: западные уезды Сибирской губернии в 1711—1727 гг. Екатеринбург, 2007.

Сафронова А. М. Роль горнозаводских школ в организации делопроизводства при казенных заводах Урала в 20—30-е годы XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2015. Вып. 15. С. 32—56.

Уортман Р. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. М., 2004.